

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.3

EDN: JLTMZQ

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ТРАДИЦИОННЫМИ И ИННОВАЦИОННЫМИ УСТАНОВКАМИ

Александр Лазаревич Темницкий

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

МГИМО МИД РОССИИ,

Москва, Россия

taleksandr@list.ru,

ORCID 0000-0002-5275-7457

Для цитирования: Темницкий А. Л. Формирование индивидуального оптимизма работающего населения России во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 53–76. DOI 10.19181/snsp.2025.13.3.3. EDN JLTMZQ.

Аннотация. В статье даётся обоснование и диагностика подхода к формированию индивидуального оптимизма российских работников во взаимосвязи с их традиционными и инновационными ценностными установками. На примерах обращения к истории показывается, что оптимизм социального настроения, формируемый на доверии к новым идеям и политическим программам, имеет неустойчивый характер. Обращение к феномену индивидуального оптимизма, который чаще всего связывается исследователями с оценками перспектив изменений в своём материальном положении и получил название экономический оптимизм, дополняется включением в анализ таких его видов, как эмоциональный и гражданский. Проблема исследования формулируется посредством постановки главного исследовательского вопроса: могут ли традиционные установки работающего населения России рассматриваться как действенные и надёжные факторы формирования оптимизма в сравнении с инновационными установками при условии их взаимосвязи с признаками самодостаточности работников? Для эмпирического ответа на поставленный вопрос используется база данных мониторинговых исследований, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2011, 2017, 2021 и 2023 гг. Методологическое решение поставленной проблемы опирается на вычисление типологических категорий работников, раскрывающих особенности связей традиционных/инновационных установок и установок на самодостаточность / зависимость от государства. Результаты анализа показали, что определяющий вклад в формирование оптимизма по-прежнему вносят оценки перспектив изменений в своём материальном положении. Оценки эмоционального настроения по отношению к настоящему времени не могут рассматриваться как самостоятельный фактор формирования оптимизма, так как они во многом зависят от материального

положения и перспектив его улучшения. Гражданский оптимизм, измеряемый посредством показателя возможности выражать свои политические взгляды, является собирательным результатом всевозможных форм влияния, которые работники способны оказывать в своей повседневной жизни. Проведённый анализ позволяет с высокой долей вероятности говорить о конструктивной роли традиционных установок работающего населения России в процессе формирования оптимизма при условии, что они будут дополняться признаками самодостаточности. Работники, названные нами самодостаточными традиционалистами, ничем не уступают по показателям экономического оптимизма самодостаточным инноваторам и явно опережают их по показателям эмоционального и гражданского оптимизма по данным исследования 2023 года.

Ключевые слова: индивидуальный оптимизм, традиционные и инновационные установки, ценности, самодостаточность, зависимость, наёмные работники

Постановка проблемы и методология исследования

Социальный оптимизм, который чаще всего ассоциируется с ожиданием благоприятного развития событий, верой в свои силы справиться с имеющимися и возможными трудностями, верой в лучшее будущее, является одной из важнейших ценностей не только для отдельного человека, но и для всего общества. И чем больше в социальном настроении общества тревожности и неопределённости, тем больше предпосылок, чтобы предполагать факт наличия своего рода запроса на оптимизм.

Предыдущие исследования показывают, что росту социального оптимизма населения современной России в большей мере способствуют внешние по отношению к личности, контекстуальные факторы, которые в целом имеют политическую окраску. К ним относят: лояльность к власти и готовность её поддержать [1]; конформистскую позицию в отношении к институтам власти, к проводимой ею политике [2, с. 32]; оправдание социальной системы; доверие к государству и институтам гражданского общества [3, с. 28]. В целом, как утверждается, социальный оптимизм формируется при определённых внутренних условиях, создаваемых и поддерживаемых конструктивной государственной политикой [4, с. 160].

Отсюда можно сделать первый предварительный вывод, что факторы деятельности, активной жизненной позиции личности, достигнутые результаты уступают контекстуальным в формировании оптимизма.

Обращение к истории показывает, что оптимизм социального настроения, выстраиваемый на доверии к новым идеям и политическим программам, на вере в лучшее будущее, имеет характер «качелей». После небольшого по времени периода эйфории и энтузиазма наступает период беспокойства и разочарований. Так было в первые годы советской власти, когда абсолютное большинство рабочих и крестьян увидели в большевиках «свою» власть, которой можно доверять и с удовольствием подчиняться, а затем на всём протяжении советского периода институтам власти необходимо было идеологически и административно поддерживать и укреплять трудовую дисциплину, чтобы трансформировать оптимизм настроения в атмосферу производительного труда. Так

было и в период послевоенного и зрелого социализма. Характеризуя массовое сознание россиян начала 1960-х гг., Б. Грушин отмечает, что советский народ в общем и в целом был на подъёме. Одним из его оснований являлась высокая мера удовлетворённости своей текущей жизнью, другое основание – не менее высокая мера оптимизма людей при взгляде в будущее. Широкая программа роста народного благосостояния давала твёрдую уверенность в том, что всё идёт к лучшему. Большинство молодых людей имели цели в жизни и были уверены в том, что эти цели будут достигнуты [5, с. 538]. Однако в книгах Б. Грушина, посвящённых эпохе Брежнева, уже не приводятся факты наличия оптимизма. Зато в рубрике «Эмоционально-психологическое состояние масс» даются указания на неудовлетворённость людей своей жизнью, нарастающее беспокойство по поводу завтрашнего дня. От вчерашней уверенности в том, что «всё идёт к лучшему», не осталось и следа [6, с. 867].

Всплеск оптимизма и зародившаяся вера в лучшее будущее в начальный период «горбачевской» перестройки (1985–1987 гг.) к её окончанию (1991 г.) завершились крахом надежд на хотя бы частичное улучшение жизни. Произошёл классический разрыв между ожиданиями людей и реальностью, во многом потому, что за годы перестройки не удалось поднять реальный жизненный уровень людей [7].

В начальный период либеральных реформ в 1990-е гг. декларировалось, что превращение работников в совладельцев средств производства (через аренду, владение акциями, создание народных и других форм предприятий) даст им возможность почувствовать себя подлинными хозяевами. Это породило новые чаяния и надежды, особенно среди шахтёров, которых справедливо называли элитой рабочего класса. Их основными характерными чертами в это время являлись дух активизма, энтузиазм, вера в лучшую жизнь, абсолютная решимость биться против реставрации тоталитарной власти [8, с. 35]. Однако уже к 1994 году, когда процесс приватизации предприятий в основном завершился, стало ясно, что в реальности произошло перераспределение собственности в пользу руководства, а рабочие оказались среди проигравших.

Все эти факты раскрывают признаки социального оптимизма как компоненты массового настроения больших групп людей, формируемого под влиянием политических нововведений сверху.

Применительно к настоящему времени социальный оптимизм чаще всего «привязывается» и измеряется посредством обращения к характеристикам социального настроения населения, обусловленного влиянием текущих злободневных ситуаций, будь то пандемия или СВО. Справедливо отмечается, что российское общество за время либеральных реформ пережило множество событий, травмирующих общественное сознание, но ни одно из них не оказало такого сильного влияния на социально-психологическое состояние, как СВО на Украине, начавшаяся в феврале 2022 г. [9, с. 68]. Проведённая диагностика не позволила выявить устойчивых факторов, которые позволили бы повысить уровень социального подъёма россиян, его распространение названо случайным, а к наиболее простым способам улучшения настроения жителей страны

отнесены те, которые связаны с созданием источников позитивных настроений, подобно выставке-форуму «Россия» на ВДНХ в 2023–2024 гг. [9, с. 76].

Более веским фактором позитивного восприятия настоящего и оптимизма в отношении будущего является принятие большинством россиян текущего направления государственного развития. В этой связи высказывается предположение, что преобладание у граждан позитивных чувств в отношении современной России на фоне тяжёлой психологической атмосферы общества может быть производным от патриотического сплочения граждан в критической для нации ситуации [10, с. 152].

Оптимизм социального настроения также связывается с приверженностью россиян различным идеологиям. Доказано, что у сторонников консервативности и державности чаще наблюдается уверенность в будущем (прежде всего, в будущем страны), реже – страх и отчаяние перед ним. У приверженцев социалистических и русско-националистических ценностей – наоборот [11, с. 99].

Но можно ли назвать обнаруженные факторы оптимизма эмоционального настроения долгосрочными, не потеряют ли они своей силы по прошествии определённого времени, после изменения ситуации, как это уже было показано выше на исторических примерах?

Поиск ответа на этот вопрос сопряжён с обращением к проблеме выявления факторов долгосрочных оптимистических ориентаций. Предполагается, что прежде всего у страны должна быть долгосрочная национальная стратегия, рассчитанная на десятилетия [3, с. 6]. Для коллектива и личности наличие долгосрочной ориентации имеет не меньшее значение. При этом если коллективистическая ориентация на долгосрочное будущее опирается на доверие социальным институтам и сопереживание, то индивидуалистическая – на личные достижения и самостоятельность [3, с. 28].

В какой мере и благодаря каким предпосылкам возможно проявление форм оптимизма индивида, независимых от ценностно-нормативных координат социальности, в которые он погружён? Отвечая на этот вопрос, исследователи обращаются к феномену индивидуального оптимизма. В психологии, если этот феномен рассматривается в качестве защитного фактора в ситуациях столкновения с жизненными трудностями, такими как болезнь, он получает название диспозиционный оптимизм [12] или личностный оптимизм – если речь идёт об оценке субъектом своих успехов и неудач, поиске их причин [13].

Социологи чаще всего связывают индивидуальный оптимизм с оценками перспектив изменений в своём материальном положении в ближайший год в сравнении с оценками изменений в материальном положении большинства жителей страны [14; 15].

Индивидуальный (экономический) оптимизм может рассматриваться как фактор повышения адаптационного потенциала личности в трансформирующемся обществе [14, с. 50], а также как субъективный ресурс снижения остроты восприятия экономических трудностей, вызванных политическими решениями, – при условии, если они поддерживаются людьми [15, с. 25].

Соглашаясь с актуальностью обращения к феномену индивидуального оптимизма, основу которого составляют оценки перспектив изменений в личном (семейном) материальном положении, предлагается обратить внимание: 1) на факт наличия/отсутствия зависимости в его обеспечении от поддержки государства или от собственных сил и ресурсов и 2) на роль ценностей инициативы и предприимчивости или на уважение к сложившимся традициям.

Предполагается, что для формирования устойчивого оптимизма является важным обретение людьми твёрдой «социальной почвы», социальной зрелости, ответственного и самостоятельного подхода к собственной жизни и жизни страны. Такого рода основания были замечены у категории россиян, которые были названы «самодостаточными» не только потому, что они декларировали установку на собственные ресурсы, а не на государственную помощь в решении материальных проблем, но и потому, что и на практике они являлись людьми с более высокими доходами и уровнем удовлетворённости всеми аспектами повседневной жизни [16, с. 8].

Логично, когда установки на самодостаточность подкрепляются, в свою очередь, установками на инновационное поведение, предприимчивость и поиск нового в работе и жизни. Однако, как показывают результаты исследований, инновативность российских работников является хрупким образованием, она во многом зависит от уверенности в будущем, связана с сохранением ценностей индивидуальной свободы, а в условиях расширения precarious занятости проявляется преимущественно как способ адаптации к новым вызовам [17]. Поэтому ориентация на получение выгод в будущем может с не меньшим основанием сочетаться с настойчивостью и упорством в настоящем, а также с уважительным отношением к традициям прошлого [18].

В этой связи предполагается, что не менее надёжным основанием для формирования индивидуального оптимизма могут стать ценности традиций, прежде всего в том случае, если они в сознании и поведении индивида положительно дополняются признаками самодостаточности в материальном обеспечении своей жизни, за которыми стоят упорство и труд, ответственный и самостоятельный подход к жизни.

Данные многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН¹ (с 2001 по 2023 г.) показывают, что в 2023 году по сравнению с предыдущими годами, и особенно с 2021 года, наблюдался резкий рост значимости традиций для населения страны, в результате которого доля россиян, которые считают, что главное – это уважение к сложившимся традициям, выросла до своего максимального значения в 64%, в то время как доля тех, для кого главное – это поиск всего нового, снизилась с 60 до 36%. Такие изменения авторы назвали революционными [19, с. 150].

Является ли выявленный всплеск уважения к традициям показателем только консолидации по отношению к текущей общественно-политической обстановке,

¹ До 2017 года – Институт социологии РАН.

к проведению Россией СВО на Украине, к внешней угрозе для страны, как пишут авторы [19, с. 150]? Или, быть может, за уважением к традициям скрывается идущая из прошлого, сохранившаяся в настоящем и имеющая хорошие основания для долгосрочных ориентаций на будущее платформа социального оптимизма?

В обращении к ценностям традиций и инноваций мы исходим из того, в современном обществе на фоне явной индивидуализации жизни они не могут рассматриваться как принудительная сила, заставляющая индивида их осваивать и к ним приспособливаться. Скорее и традиции, и инновации «определённым образом отбираются, интерпретируются, реализуются социальными субъектами в актуальном поведении» [20, с. 243].

Приведённые выше факты и полученные результаты исследований позволяют поставить главный исследовательский вопрос: «Насколько действенными по отношению к различным видам оптимизма оказываются традиционные установки работающего населения России в сравнении с инновационными при условии их взаимосвязи с признаками самодостаточности?».

Цель исследования – на основе раскрытия содержания и особенностей связей традиционных и инновационных установок с различными видами оптимизма выявить их возможности и ограничения как факторов формирования оптимизма у работающего населения России.

Эмпирической базой исследования стали данные общероссийских опросов россиян, проведённых ИС ФНИСЦ РАН. Для вторичного анализа использовались массивы данных 2011, 2017, 2021 и 2023 гг.¹ Из числа опрошенных были отобраны работники предприятий (организаций), а также самозанятые, имевшие на момент опроса оплачиваемую работу².

В качестве предмета исследования рассматривались различные виды оптимизма: экономический, эмоционально-психологический, гражданский – во взаимосвязи с традиционными и инновационными установками работников.

¹ Отбор массивов осуществлялся, исходя из наличия в вопросниках необходимых для анализа базовых вопросов. Данные мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2023 года были любезно предоставлены сотрудниками Центра комплексных социальных исследований, которые выполняют проект «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» при финансовой поддержке РНФ № 23-18-45034 (продление проекта 20-18-00505). В 2011 году в исследовании, посвящённом 20-летию реформ, по выборке, репрезентирующей взрослое население страны по региону проживания (территориально-экономическим районам, согласно районированию Росстата), было опрошено 1 750 человек. В 2017 году в исследовании «25 лет российских трансформаций в оценках и суждениях россиян» по выборке, репрезентирующей взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, было опрошено 4 000 человек. В 2021 и 2023 гг. было опрошено по 2 000 человек по выборке, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население страны по параметрам пола, уровня образования, социально-профессионального статуса и типа населённого пункта проживания.

² Обращение к работающему населению как объекту исследования исходило из ожидания более взвешенных ответов от этой категории населения, подкрепляемых практиками трудового поведения, на вопросы, касающиеся предмета исследования.

Социально-демографические характеристики выборки работников и методика вторичного анализа

К числу наиболее заметных тенденций в динамике наблюдаемых годов опроса, согласующихся с известными статистическими данными, относятся снижение доли молодых работников в возрасте до 30 лет и снижение доли рабочих. При этом остаются стабильными доли работников мужского пола, имеющих высшее образование, проживающих в мегаполисах и областных центрах (см. табл. 1).

Таблица 1

*Отдельные социально-демографические характеристики выборки
работников, по годам опросов, %*

Характеристики, доли которых представлены в выборках	Годы опроса			
	2011	2017	2021	2023
Мужчины	48	48	48	49
Молодые работники в возрасте до 30 лет	24	20	17	15
Имеющие высшее образование	31	35	35	35
Специалисты, работающие на должности, предполагающей высшее образование	25	27	25	26
Рабочие	41	37	33	32
Занятые на государственных предприятиях	35	39	43	42
Проживающие в мегаполисах и областных центрах	39	37	41	39
Количество опрошенных	1 339	2 752	1 401	1 381

С учётом актуализируемой в последнее время проблемы прекарной занятости следует добавить, что доля работающих на постоянной основе, по данным 2023 года, составила 80%.

Приведённые социально-демографические характеристики рассматриваются автором как важные контрольные переменные по отношению к предмету исследования.

Методика вторичного анализа отобранных массивов данных включала следующие основные принципы и процедуры.

1. Построение и вычисление типологических категорий по методу логического квадрата, в котором традиционные/инновационные установки работников соотносились с установками на самодостаточность / зависимость от государства.
2. Определение наличия и содержания связей между вычисленными типологическими группировками работников¹ и их социально-демографическими и социокультурными характеристиками с использованием таблиц сопряжённости, выявления существенности в процентных различиях и величины стандартизированных остатков.

¹ В статье термины категории и группировки рассматриваются как тождественные.

3. Рассмотрение вычисленных типологических категорий работников как условно независимых переменных по отношению к выделяемым видам оптимизма.
4. Операциональное определение каждого из выделенных видов индивидуального оптимизма с учётом имеющихся в анкете вопросов, наличия идентичных формулировок как минимум по двум сравниваемым годам опроса.
6. Сравнительный анализ взаимосвязи типологических категорий работников и видов оптимизма по годам опроса с использованием метода таблиц сопряжённости, коэффициентов симметричной связи Крамера и направленной – Лямбда.

Результаты.

Характеристики типологических категорий работников

Соотношение установок работающего населения на следование традициям или поиску нового в динамике наблюдаемых лет до 2023 года имело признаки линейности (доля инновационно настроенных росла, а традиционалистов – снижалась). Тогда как доля самодостаточных работников оставалась стабильной, а в 2023 году заметно увеличилась по отношению ко всем предыдущим годам опросов. По данным 2023 года, доли традиционалистов и самодостаточных работников оказались равными друг другу (по 60%; см. рис. 1).

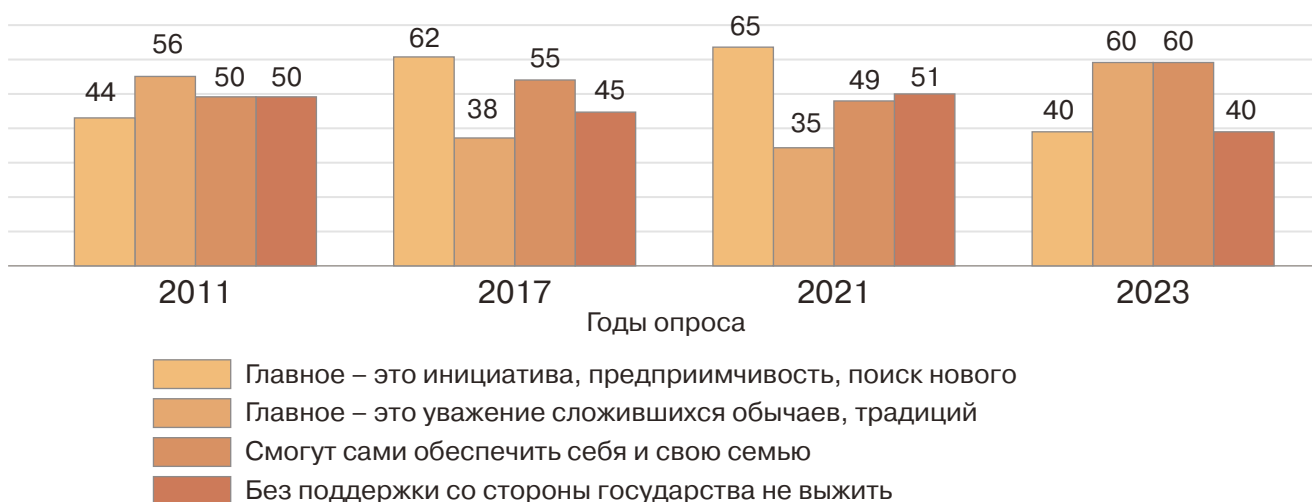

Рис. 1. Ценностные установки работников на проявления инициативы / уважение традиций, самодостаточность / помощь государства

Типологические категории работников, построенные по методу логического квадрата, раскрывающие связи традиционных/инновационных установок и установок на самодостаточность / зависимость от государства, позволяют использовать в дальнейшем анализе четыре группировки: 1) «самодостаточные инноваторы», т. е. те работники, для которых являются важными инициатива

и предприимчивость и при этом они считают себя способными обеспечить себя и свою семью без помощи государства; 2) «самодостаточные традиционалисты», для которых является важным уважать сложившиеся традиции, но при этом они считают, что смогут сами без помощи государства обеспечить себя и свою семью; 3) «зависимые инноваторы», ориентированные на проявление инициативы и предприимчивости, но при этом считающие, что без поддержки со стороны государства им не выжить; 4) «зависимые традиционалисты», ценящие традиции и не способные выжить без помощи государства.

Распределение ответов в динамике наблюдаемых годов свидетельствует в пользу явного преобладания и заметного увеличения к 2023 году доли «самодостаточных традиционалистов» (33% против 15% в 2021 году), также как и «зависимых традиционалистов» (28% против 20% соответственно), и снижения долей «самодостаточных инноваторов» (28% против 43%) и «зависимых инноваторов» (12% против 22% соответственно; см. табл. 2).

Таблица 2

Типологические категории работников по ориентациям на проявление инициативы vs уважения традиций и ориентации на самодостаточность vs зависимость от государства, в динамике, %

Группировки	Годы опроса			
	2011	2017	2021	2023
Самодостаточные инноваторы	19	42	43	28
Самодостаточные традиционалисты	19	14	15	33
Зависимые инноваторы	25	21	22	12
Зависимые традиционалисты	37	24	20	28
Количество ответивших	1 319	2 752	1 397	1 372

Прежде чем проводить анализ по предмету исследования, важно выявить наличие и содержание связей между указанными типологическими группировками работников и их социально-демографическими характеристиками. В целях выявления отличительных признаков использовалась статистика стандартизированных остатков, позволяющая точно зафиксировать значимые различия. Такой анализ был проведён по всем годам исследований, но в качестве показательного возьмём 2023 год (см. табл. 3).

Наибольшим количеством отличительных признаков обладает категория самодостаточных инноваторов, среди которых существенно больше работников с высоким уровнем ресурсного потенциала (молодых мужчин, предпринимателей, людей с более высокими доходами). Самодостаточные традиционалисты и так же, как и самодостаточные инноваторы, чаще имеют доход, превышающий медианное значение, их больше среди работающих на приватизированных предприятиях, они реже, в сравнении с первой категорией, работают на условиях precarious занятости. В наиболее уязвимом положении находятся зависимые традиционалисты, отличительными признаками которых являются пожилой

Таблица 3

Отличительные социально-демографические характеристики типологических категорий работников (по данным 2023 г.), метод стандартизированных остатков *

Самодостаточные инноваторы	Чаще встречаются среди	мужчин; в возрасте 18–30 лет; предпринимателей, имеющих работников; занятых ИТД и самозанятых; с личным доходом выше медианы; проживающих в мегаполисах; работающих по временному письменному договору
	Реже встречаются среди	респондентов 51–60 лет; имеющих общее среднее образование; служащих, должность которых не требует высшего образования; работающих на государственных предприятиях
Самодостаточные традиционалисты	Чаще встречаются среди	работающих на приватизированных предприятиях; с личным доходом выше медианы; руководителей среднего и низшего звена
	Реже встречаются среди	респондентов 61 года и старше; работающих по временному письменному договору
Зависимые инноваторы	Чаще встречаются среди	респондентов 61 года и старше
	Реже встречаются среди	имеющих личный доход выше медианы; проживающих в мегаполисах
Зависимые традиционалисты	Чаще встречаются среди	респондентов 61 года и старше; служащих, должность которых не требует высшего образования; занятых на государственных предприятиях
	Реже встречаются среди	имеющих два высших образования; предпринимателей, имеющих работников; занятых ИТД и самозанятых; с личным доходом выше медианы; проживающих в мегаполисах

* Учитывались различия с величиной стандартизированного остатка $>1,64$.

возраст и занятость в качестве государственных служащих, работа которых не требует высшего образования. К категориям с низким доходом и принадлежностью к старшим возрастным группам относятся зависимые инноваторы. Эта категория работников наименьшая по численности (12%, по данным 2023 года), с минимальным количеством отличительных признаков, характеризуется также наименьшим количеством значимых связей с большинством из актуальных для предмета исследования вопросов анкеты. Поэтому она как слабо дифференцирующая переменная будет исключена из дальнейшего анализа.

Обращение к предыдущим годам опроса показало, что именно возраст является наиболее устойчивой отличительной характеристикой вычисленных типологических категорий работников, учёт которого будет важен в дальнейшем анализе.

Поиск отличительных социокультурных характеристик выделенных типологических категорий осуществлялся посредством обращения к вопросам анкеты, которые раскрывают важные для предмета исследования косвенные показатели: самоидентификации с различными социальными группами, институционального и личностного доверия. В качестве точки отсчёта использовались

данные 2023 года. В фокусе внимания была категория самодостаточных традиционалистов.

По результатам сравнения было установлено, что самодостаточные традиционалисты, в отличие от других категорий, прежде всего самодостаточных инноваторов, чаще идентифицируют себя с людьми той же профессии, как и они, гражданами России, представителями рабочего и среднего класса. При ответе на вопрос: «Какие социальные группы способствуют, а какие препятствуют развитию России?» самодостаточные традиционалисты чаще указывали, что развитию способствуют государственные служащие и сотрудники правоохранительных органов. По показателям личностного доверия они отличаются от других категорий тем, что чаще доверяют коллегам по работе, соседям и родственникам, а по показателям институционального доверия – президенту и всем органам государственной власти (правительству, Государственной думе, Совету Федерации, судебной системе, полиции и органам внутренних дел). Однако наиболее сильные различия самодостаточных традиционалистов с самодостаточными инноваторами установлены по доверию телевидению (доверяют 44 и 25% соответственно), церкви (64 и 49%), армии (83 и 68%).

Имеют ли выявленные отличительные социокультурные характеристики признаки долгосрочности, т. е. находят ли они значимые, устойчивые проявления по результатам прошлых исследований? Для ответа на этот вопрос мы можем обратиться только к данным исследований 2017 и 2021 гг., анкеты которых содержали идентичные вопросы по институциональному доверию.

В итоге было установлено, что в 2017 году самодостаточные традиционалисты отличались только более высоким уровнем доверия полиции и органам внутренних дел, а в 2021 году вовсе не было выявлено ни одного существенного отличия, если не считать, что самодостаточные традиционалисты, в сравнении с инноваторами, реже доверяли интернету и социальным сетям (34 и 50% соответственно).

Результаты сравнительного анализа социокультурных характеристик показывают, что: 1) созданные типологические категории не являются чисто статическими образованиями, поскольку обнаружены содержательные различия между традиционалистами и инноваторами с включением признака самодостаточности, и они являются более выразительными, нежели при сравнении доверия по отдельным парам традиционности/инновационности в ценностных установках; 2) выявленные различия характерны только для 2023 года, что не позволяет пока утверждать, что уважение традиций является долгосрочной ориентацией.

Посмотрим, наблюдаются ли проявления долгосрочности при сравнительном анализе связей выделенных типологических категорий и видов оптимизма.

Экономический оптимизм. В качестве определяющего индикатора экономического оптимизма рассматривались ожидания улучшения в изменении своего материального положения в ближайший год¹ (см. табл. 4).

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете свои перспективы в материальном плане на ближайший год?». Объединялись ответы «должно и скорее улучшится» и «должно и скорее ухудшится».

Таблица 4

Оценки перспектив изменений в материальном положении на ближайший год
у различных типологических категорий работников, %

Материальное положение	Годы опроса ¹					
	2017			2023		
	Типологические категории					
	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодоста- точные традициона- листы	Зависимые традициона- листы	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодоста- точные традициона- листы	Зависимые традициона- листы
Улучшится	36	37	30	36	36	24
Ухудшится	18	16	31	19	12	23
Останется без изменений	47	47	39	45	51	53
Коэффициент Крамера	0,103			0,133		
Количество ответивших	1 141	384	657	379	448	381

В результате анализа таблиц сопряжённости установлено, что более высокий уровень экономического оптимизма у всех групп работников, вне зависимости от принадлежности к выделенным типологическим категориям, в наибольшей мере связан с уровнем доходов, но не с личными, а со среднедушевыми. Работники со средним душевым доходом, превышающим две медианы, примерно в 2 раза чаще, чем те, у кого доход меньше двух медиан, считают, что их материальное положение должно улучшиться. Тогда как по связям показателя личных доходов с оценками перспектив улучшения материального положения различий не обнаружено.

Ожидания самодостаточных традиционалистов в этом плане ничем не отличаются от ожиданий самодостаточных инноваторов, но вот у зависимых традиционалистов связи оптимизма с семейным доходом не обнаружено. Корректирующее влияние возраста на связь среднедушевого дохода с экономическим оптимизмом обнаружено только у работников в возрасте 31–40 лет. При наличии среднедушевого дохода, превышающего две медианы, они в 3 раза чаще отмечают перспективы улучшения материального положения по сравнению с теми, у кого доход ниже двух медиан, и эта тенденция примерно в равной мере характерна как для самодостаточных традиционалистов, так и для инноваторов. Поскольку сравниваемые категории существенно различаются только по долям 18–30-летних работников, фактор среднего возраста (31–40 лет) можно рассматривать как равнозначный для обеих групп. Следует отметить, что проявления экономического оптимизма, не имевшие существенных различий в 2017 году, стали заметными в 2023 году. Самодостаточные

¹ Для сравнения использовались те годы опроса, по которым имелись идентичные анкетные вопросы.

традиционалисты реже испытывают пессимизм в отношении перспектив возможного ухудшения своего материального положения – по сравнению с инноваторами.

Эмоционально-психологический оптимизм настоящего. Социологическое измерение повседневного эмоционально-психологического состояния посредством опроса выводит исследование на уровень выявления общественного настроения по отношению к переживаемой в данный момент жизненной ситуации, тех чувств и эмоций, которые при этом возникают. В таком понимании оптимизм обращён к настоящему времени, а эмоциональное настроение может рассматриваться как форма реагирования на происходящие в обществе изменения, затрагивающие повседневную жизнь личности. Такие эмоциональные чувства, как ощущение эмоционального подъёма, чувства спокойствия и уравновешенности, могут рассматриваться как индикаторы оптимистического настроя на жизнь, тогда как ощущение тревоги и чувства раздражения могут оцениваться как индикаторы пессимизма.

Если по данным 2017 года чувство спокойствия и уравновешенности оказалось доминирующей характеристикой настроения работников, то в 2023 году, на выходе из пандемии и при набирающем силу факторе СВО, преобладающим стало чувство тревожности (46%), к которому в примерно равной мере добавились раздражение и безразличие. Если по данным 2017 года ещё были заметны признаки большего оптимизма у самодостаточных инноваторов и традиционалистов по сравнению с зависимыми традиционалистами, то в 2023 году, на фоне господства тревожности, значимых различий не обнаружено (см. табл. 5).

Наибольший вклад в формирование эмоционального оптимизма вносят высокие оценки материальной обеспеченности, здоровья, а также оценки того, как складывается жизнь в целом. Последнее оказалось самым сильным фактором – по данным 2023 года. Среди тех работников, которые считают, что их жизнь складывается хорошо, 58% чувствуют себя спокойно и уравновешенно, ощущают эмоциональный подъём, тогда как при низких оценках таковых только 12%. В этом же году самодостаточные традиционалисты чаще, чем самодостаточные инноваторы, отмечали, что их жизнь складывается хорошо. Во всех связях оптимизм эмоционального настроения оказывался зависимой переменной (по коэффициенту направленной связи Лямбда). Эта тенденция является устойчивой по годам опроса, в равной мере характерна для всех выделяемых типологических категорий, не зависит от возрастной принадлежности, за исключением возрастной группы старше 60 лет.

Таким образом, эмоциональный оптимизм является производным от других факторов, прежде всего связанных с материальным положением, потенциалом здоровья и общих оценок жизни, также и от экономического оптимизма. То, что самая сильная дифференциация социально-психологического самочувствия россиян наблюдается по критерию самооценок материального положения, подчёркивается другими исследователями [9, с. 72, 11, с. 98].

Таблица 5

Характеристика повседневного эмоционально-психологического состояния
различных типологических категорий работников ¹, %

Характеристика состояния	Годы опроса					
	2017			2023		
	Типологические категории					
	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты
Оптимистическое. Чувствуют себя спокойно и уравновешенно, ощущают эмоциональный подъём	64	63	51	38	42	36
Пессимистическое. Чувствуют тревогу, раздражение, безразличие	36	37	49	62	58	64
Коэффициент Крамера	0,119			Нет связи		
Количество ответивших	1 111	374	643	371	446	378

Всё это не позволяет утверждать факт наличия самостоятельной роли эмоционального настроения в формировании оптимизма.

Эмоционально-психологический оптимизм в отношении своего будущего. Оптимизм в отношении своего будущего, измеряемый палитрой чувств спокойствия и надежды, уверенности в хорошем будущем, в противовес чувствам беспокойства, страха и отчаяния, может рассматриваться как продолжение эмоционального настроения в оценках настоящего. Причём, как показывают данные исследования 2023 года, в целом оптимистический настрой в отношении своего будущего выше его оценок в отношении настоящего (см. табл. 6).

То, что в среднем около 2/3 работников, вне зависимости от принадлежности к типологическим категориям, испытывали чувства оптимизма в отношении своего будущего как в пандемийном 2021 году, так и в разгар СВО в 2023 году, может свидетельствовать в пользу сохраняющейся душевной стабильности, главной составляющей которой является чувство надежды (31%, по обоим годам опроса). Неизменность оптимистического настроения на своё будущее сохраняли самодостаточные традиционалисты (69%), тогда как у самодостаточных инноваторов он заметно поубавился (с 72 до 64%).

¹ Формулировка вопроса: «Как бы Вы охарактеризовали своё нынешнее повседневное психологическое состояние?». Из анализа исключались варианты: «ощущаю чувство озлобленности», «ощущаю чувство агрессии» как не набравшие более 3%.

Таблица 6

**Чувство оптимизма/пессимизма в отношении своего будущего
у различных типологических категорий работников ¹, %**

Характеристика состояния	Годы опроса					
	2021			2023		
	Типологические категории					
	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты	Самодостаточные инноваторы	Самодостаточные традиционалисты	Зависимые традиционалисты
Оптимистическое. Уверенность в хорошем будущем, чувства спокойствия и надежды	72	69	48	64	69	57
Пессимистическое. Чувства беспокойства, страха, отчаяния	28	31	52	36	31	43
Коэффициент Крамера	0,209			0,104		
Количество ответивших	582	198	269	376	444	379

Формируется ли оптимизм будущего под влиянием материального положения и общих оценок личной жизни, как было показано выше в отношении оптимизма эмоционального настроения настоящего, или же он в большей мере обусловлен внешними по отношению к личности, контекстуальными факторами, прежде всего оценками перспектив развития страны? В ответе на поставленный вопрос сталкиваются модели экономического и социального оптимизма. «Если страна имеет перспективы развития, движется в желательном направлении, то и мне будет хорошо в ней жить», – так примерно рассуждает социальный оптимист, в отличие от оптимиста экономического. Последний, скорее, живёт надеждой на свой собственный успех, его достижения будут придавать ему ощущение удовлетворённости и уверенности в будущем – вне зависимости от перспективы развития страны. Также предполагается, что работники с традиционными установками, вне зависимости от признаков их самодостаточности, будут чаще уповать на внешние факторы (перспективы развития страны), а инноваторы – на внутренние (достижение личного успеха).

Результаты анализа (использовались методы построения двумерных и трёхмерных таблиц сопряжённости, коэффициенты симметричной и направленной связи) показали, что оптимизм в отношении своего будущего в 2023 году стал в меньшей мере связываться с оценками перспектив в изменении своего

¹ Формулировка вопроса: «Когда Вы думаете о своём будущем и о будущем нашей страны, то какие чувства Вы чаще всего испытываете?».

материального положения по сравнению с оценками перспектив в развитии страны¹. Доля работников, чувствующих уверенность в своём будущем, спокойствие и выражающих надежду, составила 85% в 2023 году при выборе ответа «страна будет развиваться успешно» и 76% при выборе ответа «материальное положение должно улучшиться в ближайший год». В 2021 году картина была иная. Оптимизм в отношении своего будущего, пусть и незначительно, но чаще связывался с оценками перспектив в улучшении своего материального положения, чем с оценками перспектив в развитии страны (91 и 88% соответственно). Принадлежность к выделенным типологическим категориям здесь не оказывает корректирующего влияния. Заметим только, что в наибольшей мере связывают своё будущее с оценками перспектив развития страны, по данным 2023 года, зависимые традиционалисты (их оптимизм в этом случае достигает 95%).

Гражданский оптимизм. В качестве показателей гражданского оптимизма могут рассматриваться положительные оценки возможного влияния на политику государственных, региональных и муниципальных властей, возможности выражать свои политические взгляды, влиять на то, что происходит на работе, по месту проживания. Автор называет такие формы влияния проявлениями индивидуального гражданского оптимизма потому, что на деле осуществить их весьма сложно, и с большей вероятностью можно говорить о потенциале влияния или о том, что исследователи называют запросом на «демократическое участие», которое зачастую носит пульсирующий характер, представляя собой реакцию граждан на те или иные политические события, которые им представляются важными [21].

Предполагается, что за ответами на вопросы о разных формах влияния могут стоять как позиции гражданской активности, сопровождаемые ориентациями на неконформизм, готовность к борьбе за свои права, так и позиции конформизма к власти, подкрепляемые достигнутым уровнем материальной комфортности жизни, экономического и социального благополучия.

Проявления гражданского оптимизма по сравнению с его другими видами (экономический, эмоционально-психологический, социальный) являются маловыразительными, характерными не более чем для одной трети взрослого населения в отношении возможности оказывать влияние на политику муниципальных властей, примерно для одной пятой – по оценкам влияния на политику государства в целом, по данным 2016 года [2, с. 32]. С тех пор эти возможности, по самооценкам, существенно снизились и составили, по данным 2021 года, 22% в отношении возможности оказывать влияние на муниципальные власти и 11% – на государство в целом.

Для оценки гражданского оптимизма в качестве базового может рассматриваться показатель возможности выражать свои политические взгляды. По сравнению с 2021 годом, когда такие возможности на хорошо оценивали 15% респондентов, в 2023 году положительные оценки давали 20% опрошенных.

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?».

Причём самодостаточные традиционалисты чаще других типологических категорий работников демонстрируют свой оптимизм (см. табл. 7).

Таблица 7

*Оценки возможности выражать свои политические взгляды
у различных типологических категорий работников ¹, %*

Оценки	Годы опроса					
	2021			2023		
	Типологические категории					
	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодос- таточные традицио- налисты	Зависимые традицио- налисты	Самодоста- точные ин- новаторы	Самодос- таточные традицио- налисты	Зависимые традицио- налисты
Хорошо	15	20	9	19	24	17
Удовлетворительно	59	52	64	56	63	63
Плохо	26	28	27	25	13	20
Коэффициент Крамера	0,081			0,102		
Количество ответивших	596	209	281	379	448	381

Оценки возможности выражать свои политические взгляды не зависят от половозрастных и образовательных характеристик работников, мало связаны с условиями занятости и оплаты труда. Анализ двумерных распределений по ответу на вопрос, формируется ли гражданский оптимизм в большей мере под влиянием оценок перспектив изменения в материальном положении или перспектив развития страны, показал примерно равное влияние данных факторов на оценки возможности выражать свои политические взгляды – как по данным 2021 года, так и по данным 2023 года.

В большей мере различия значений данного показателя связаны с политическими позициями, которых придерживались респонденты. Так, по данным 2021 года, среди собиравшихся проголосовать на осенних выборах в Государственную думу за «Единую Россию» оценили на хорошо возможности выражать свои политические взгляды 34% респондентов, в отличие от тех, кто хотел бы проголосовать за КПРФ (10%), ЛДПР (13%).

Однако в наибольшей мере оценки возможностей выражать свои политические взгляды связаны с другими формами влияния, которые работники способны оказывать в своей повседневной жизни: влиять на то, что происходит вокруг них, на планирование своей жизни, ещё больше при оценках возможности оказывать влияние на политику государства, региональных и муниципальных властей. Установлено, что самый большой прирост положительных оценок возможности выражать свои политические взгляды обеспечивается за счёт

¹ Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете возможность выражать свои политические взгляды?»

влияния на собственную жизнь в целом. У тех работников, которые считают, что у них есть хорошая возможность оказывать влияние на то, как складывается их собственная жизнь, доля положительных оценок возможности выражать свои политические взгляды увеличивается до 47% – по данным 2023 года и в среднем по выборке 19%. Принадлежность к типологическим категориям работников здесь не оказывает корректирующего влияния, а у самодостаточных традиционалистов доля соответствующих оценок выше, чем у остальных категорий, и достигает 49%.

Таким образом, формирование гражданского оптимизма является производным от успешной практики накопления разных форм проявлений субъектности работников.

Заключение

В социологической практике обращение к оптимизму как объекту исследования чаще всего связано с его инструментальным пониманием как фактора развития общества, видения будущего, т. е. оптимизма социального. При этом в фокусе внимания, как правило, оказывается оптимизм социального настроения.

В данном исследовании показана актуальность выделения в качестве самостоятельного объекта анализа индивидуального оптимизма и его различных видов: экономического, эмоционального, гражданского. Несомненно, что все виды индивидуального оптимизма положительно связаны между собой, но при этом, как было показано, они не являются равными в формировании оптимистического настроения на жизнь.

Экономический оптимизм, измеряемый сквозь призму оценок перспектив изменений в материальном положении, имеет больший вес по сравнению с эмоциональным, связываемым с восприятием переживаемого времени. Последний во многом зависит от первого. Эмоциональный оптимизм работающего населения в отношении своего будущего к 2023 году стал меньше зависеть от материального положения и общих оценок личной жизни и больше – от оценок успешности развития страны.

Отдельное значение имеет оптимизм, названный нами гражданским, который является дефицитным, но весьма важным фактором в формировании ответственной субъектности личности. Высокие оценки возможностей выражать свои политические взгляды, как показал анализ, являются результирующими других форм влияния, которые (по самооценкам) работники способны оказывать в своей повседневной жизни.

В качестве определяющих факторов оптимизма чаще всего используются объективные переменные (пол, возраст, тип поселения, образование, профессиональный статус, размер дохода и т. п.). В данной статье сделана попытка связать проявления индивидуального оптимизма с ценностными установками с учётом предварительно выявленных связей с социально-демографическими

характеристиками. Эмпирической предпосылкой для такого подхода стал зафиксированный в 2023 году исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН резкий рост значимости традиций для населения страны, методологической – предположение, что за этим может скрываться идущая из прошлого, сохранившаяся в настоящем и имеющая хорошие основания для долгосрочных ориентаций на будущее платформа для индивидуального и социального оптимизма.

Поскольку в качестве эмпирического объекта исследования выступало работающее население, то было важным помимо обращения к традиционным и инновационным установкам учитывать содержание и особенности связи работников с признаками самодостаточности или зависимости от государства в обеспечении себя и своих семей. Мы исходили из того, что сами по себе ни традиционные, ни инновационные установки не способствуют росту оптимистических ожиданий. Они должны дополняться признаками ответственности и самостоятельности в труде и подходах к жизни, воплощением которых и выступает качество самодостаточности. Историческими образами гармоничного сочетания традиции и самодостаточности выступают зажиточные крестьяне сельских общин, квалифицированные рабочие и инженеры советских предприятий, любящие свою работу и гордящиеся своей профессией. По данным проведённого в 2023 году исследования к ним тяготеют руководители среднего и низшего звена, занятые, как правило, на приватизированных предприятиях.

Исследовательская задача состояла в том, чтобы показать, что существующие стереотипные представления о традициях как о негативном пережитке прошлого, от которого надо избавляться во имя инновации, её внедрения и освоения, не имеют под собой прочных оснований. Именно поэтому при разработке предложенной типологии было совершено исследовательское насилие: то, что математически находится в обратной корреляции друг с другом, было соединено в одну типологическую категорию, названную самодостаточными традиционалистами. И мы не считаем это артефактом. Выявление социально-демографического и социокультурного профилей самодостаточных традиционалистов показало, что данная категория обладает рядом отличительных признаков, что позволило провести их сравнительный анализ по отношению к выделенным видам индивидуального оптимизма.

Следует признать, что установки на самодостаточность и на уважение традиций не являются равнозначными в отношении анализируемых видов оптимизма. В случаях с экономическим и эмоциональным оптимизмом в отношении настоящего решающую роль играла самодостаточность, а в случаях эмоционального оптимизма в отношении своего будущего и гражданского оптимизма больший вес имели признаки традиционных установок. Также следует признать, что гипотеза об укоренённости традиционных установок не подтвердилась, потому как выявленные различия (по показателям институционального доверия) характерны только для 2023 года, что не позволяет пока утверждать, что уважение традиций является долгосрочной ориентацией.

В целом проведённый анализ позволяет с высокой долей вероятности говорить о конструктивной роли традиционных установок работающего населения России в процессе формирования оптимизма при условии, что они будут дополняться признаками самодостаточности. Работники, названные нами самодостаточными традиционалистами, ничем не уступают по показателям экономического оптимизма самодостаточным инноваторам и явно опережают их по показателям эмоционального и гражданского оптимизма по данным исследования 2023 года.

Можно утверждать, что уважение сложившихся обычаев, традиций вкупе с проявлениями самодостаточности в обеспечении себя и своей семьи, не упо-вая на поддержку государства, могут рассматриваться не только как надёжная база для формирования оптимизма работающего населения, но и как основание для неспешных социальных преобразований, устойчивого развития общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иудин А. А., Привалов И. В. Соотношение оптимизма и лояльности к власти: (вторичный анализ данных ВЦИОМ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 8–20. DOI [10.15593/2224-9354/2018.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.1). EDN [VAPMZQ](#).
2. Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 4 (16). С. 19–35. DOI [10.19181/snsp.2016.4.4.4760](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760). EDN [XEAVDD](#).
3. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 9 (14). С. 6–48. EDN [SIJJS](#).
4. Левашов В. К., Сащенко Н. П., Лиханова Т. Ю. Ресурсный потенциал социального оптимизма в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 2. С. 144–166. DOI [10.21638/spbu23.2024.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201). EDN [MHYYXB](#).
5. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина : в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. : Прогресс-Традиция, 2001. ISBN 5-89826-074-9.
6. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я). М. : Прогресс-Традиция, 2006. ISBN 5-89826-249-0. EDN [OXOJSE](#).
7. Ольшанский Д. В. Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 3–15.
8. Гордон Л. А., Груздева Е. Б., Комаровский В. В. Шахтеры–92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России. М. : Прогресс–Комплекс: Экопрос, 1993. 112 с. EDN [RJXXG](#).
9. Латова Н. В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Журнал институциональных исследований. 2023. Т. 15, № 4. С. 62–78. DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078). EDN [ELHSAW](#).

10. Бараш Р. Э. Социальные настроения и эмоции российского общества: к итогам 2024 г. // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7, № 4. С. 140–155. DOI [10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155). EDN [JDNUTR](#).
11. Латов Ю. В. Между футурошоком и футурозйфорией (восприятие будущего в контексте идеологических предпочтений современных россиян) // Социологические исследования. 2024. № 12. С. 88–101. DOI [10.31857/S0132162524120087](https://doi.org/10.31857/S0132162524120087). EDN [NEFVGK](#).
12. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 1985. № 4 (3). P. 219–247. DOI [10.1037//0278-6133.4.3.219](https://doi.org/10.1037//0278-6133.4.3.219).
13. Depressive attributional style / M. E. Seligman, L. Y. Abramson, A. Semmel, C. von Baeyer // Journal of Abnormal Psychology. 1979. № 88 (3). P. 242–247. DOI [10.1037/0021-843X.88.3.242](https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242).
14. Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 39–54. EDN [UGRTSJ](#).
15. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 3–29. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372). EDN [YJWKUW](#).
16. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16. EDN [VGMFJB](#).
17. Темницкий А. Л. Потенциал инновативности работающего населения России в динамике трех десятилетий реформ // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 3. DOI [10.15838/sa.2023.3.39.7](https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.7). EDN [RKHQIK](#). URL: http://socialarea-journal.ru/article/29756?_lang=en (дата обращения: 25.07.2025).
18. Hofstede G., Minkov M. Long- Versus Short-Term Orientation: New Perspectives // Asia Pacific Business Review. 2010. № 16 (4) P. 493–504. DOI [10.1080/13602381003637609](https://doi.org/10.1080/13602381003637609).
19. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова ; ИС ФНИСЦ РАН. М. : Издательство «Весь мир», 2024. 308 с. ISBN 978-5-7777-0947-9. EDN [XILLPM](#).
20. Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254. EDN [NQXENP](#).
21. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 1. С. 16–38. DOI [10.19181/vis.2021.12.1.697](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697). EDN [IKKVCJ](#).

Сведения об авторе

А. Л. Темницкий

доктор социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [5717-0857](#)

Статья поступила в редакцию 16.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 23.07.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.3)

FORMATION OF INDIVIDUAL OPTIMISM IN WORKING POPULATION OF RUSSIA IN CONNECTION WITH TRADITIONAL AND INNOVATIVE ATTITUDES

Alexander Lazarevich Temnitskiy

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),
Moscow, Russia
taleksandr@list.ru,
ORCID [0000-0002-5275-7457](https://orcid.org/0000-0002-5275-7457)

For citation: Temnitskiy A. L. Formation of individual optimism in working population of Russia in connection with traditional and innovative attitudes. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(3):53–76. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.3.3).

Abstract. The paper provides a rationale and diagnostics of the approach to the formation of individual optimism in Russian workers in connection with their traditional and innovative value systems. History examples prove that optimism of social sentiment based on trust in new ideas and political programs is unstable. The study of the phenomenon of individual optimism, which is most often associated by researchers with assessments of potential changes in financial situation, is referred to as economic optimism; other types of optimism included into the analysis are emotional and civic optimism. The research problem is formulated by posing the main research question: Can traditional attitudes of the working population in Russia be thought effective and reliable factors in the formation of optimism in comparison with innovative attitudes, provided that they are interconnected with signs of self-sufficiency in workers? To answer the question posed empirically, we used the database of the monitoring surveys conducted by the Federal Scientific and Research Center of Sociology under the Russian Academy of Sciences in 2011, 2017, 2021 and 2023. The methodological solution to the posed problem is based on the calculation of typological categories of workers, revealing features of the relationships between traditional/innovative attitudes and attitudes towards self-sufficiency/dependence on the government. The results of the analysis demonstrated that the essential contribution to the formation of optimism is made by assessments of potential changes in one's financial situation. Assessments of emotional mood in relation to the present time cannot be viewed as an independent factor in the formation of optimism, since they largely depend on the financial situation and potential improvements thereof in the future. Civic optimism measured by the indicator of the ability to express one's political views is the collective result of multiple types of influence that workers are able to exert in their daily lives. Economic optimism of workers, whom we call self-sufficient traditionalists, is in no way inferior to that of innovators and clearly outperforms theirs in terms of emotional and civic optimism, which became most noticeable according to the 2023 survey. This makes it possible for us to assert with a high degree of probability that traditional attitudes of the working population in Russia play a constructive role in the process of forming optimism, provided that they are supplemented by signs of self-sufficiency.

Keywords: individual optimism, traditional and innovative attitudes, values, self-sufficiency, dependence, employees

REFERENCES

1. Iudin A. A., Privalov I. V. The relationship between optimism and loyalty to the authorities (secondary analysis of VCIOM data). *Bulletin of PNRPU. Social and economic sciences*=*Social'no-e'konomicheskie nauki*. 2018;(3):8–20. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2018.3.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.1).
2. Temnitskiy A. L. Socio-cultural factors of optimism of modern youth of Russia. *Sociological science and social practice*=*Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2016;4(4):19–35. (In Russ.) DOI [10.19181/snsp.2016.4.4.4760](https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760).
3. Nestik T. A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *SocioDigger*=*SocioDigger*. 2021;29(14):6–48. (In Russ.).
4. Levashov V. K., Sashchenko N. P., Likhanova T. Y. The resource potential of social optimism in modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*=*Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'K*. 2024;20(2):144–166. (In Russ.) DOI [10.21638/spbu23.2024.201](https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.201).
5. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls [*Chety're zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya*]. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1. The Khrushchev era. Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. (In Russ.). ISBN 5-89826-074-9.
6. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls [*Chety're zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya*]. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 2. The Brezhnev Era (part 2). Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. (In Russ.). ISBN 5-89826-249-0.
7. Olshansky D. V. Mass sentiments of the transitional period [Massovy'e nastroyeniya perexodnogo vremeni]. *Questions of Philosophy*=*Voprosy filosofii*. 1992;(4):3–15. (In Russ.).
8. Gordon L. A., Gruzdeva E. B., Komarovskiy V. V. Miners–92. Social consciousness and social appearance of the working elite in post-socialist Russia [*Shaxtery–92. Social'noe soznanie i social'ny'j oblik rabochej e'lity' v poslesocialisticheskoy Rossii*]. Moscow: Progress – Complex: Ecopros; 1993. 112 p. (In Russ.).
9. Latova N. V. Socio-psychological state of Russian society and social attitudes of different groups of Russians *Journal of Institutional Research*=*Zhurnal institucional'ny'x issledovanij*. 2023;15(4):62–78. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078).
10. Barash R. E. Social sentiments and emotions of Russian society: by the results of 2024. *Digital Scientist: Philosopher's Laboratory*=*Cifrovoy uchyony'j: laboratoriya filosofa*. 2024;7(4):140–155. (In Russ.). DOI [10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155](https://doi.org/10.32326/2618-9267-2024-7-4-140-155).
11. Latov Yu. V. Between future shock and future euphoria (perception of the Future in the context of ideological preferences of modern Russians). *Sociological studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(12):88–101. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524120087](https://doi.org/10.31857/S0132162524120087).
12. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies. *Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association*. 1985;4(3):219–247. DOI [10.1037//0278-6133.4.3.219](https://doi.org/10.1037//0278-6133.4.3.219).
13. Seligman M. E., Abramson L. Y., Semmel A., von Baeyer C. Depressive attributional style. *Journal of Abnormal Psychology*. 1979;88(3):242–247. DOI [10.1037/0021-843X.88.3.242](https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242).
14. Keselman L. E., Matskevich M. G. Individual economic optimism/pessimism in a transforming society [Individual'ny'j e'konomicheskij optimizm/pessimizm v transformiruyushchemsya obshchestve]. *Sociological Journal*=*Sociologicheskij zhurnal*. 1998;(1-2):39–54. (In Russ.).
15. Zvonovskiy V. B., Khodykin A. V. Perception of economic changes during the Special Military Operation in Russian public opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*=*Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*. 2023;(4):3–29. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372). (In Russ.).

16. Gorshkov M. K., Sedova N. N. "Self-sufficient" Russians and their life priorities. *Sociological studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;(12):4–16. (In Russ.).
17. Temnitskiy A. L. The innovative potential of the Russian working population over three decades of reforms. *Social space=Social'noe prostranstvo*. 2023;9(3). (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2023.3.39.7](https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.7). Available at: http://socialarea-journal.ru/article/29756?_lang=en. (accessed: 25.07.2025).
18. Hofstede G., Minkov M. Long- versus short-term orientation: new perspectives. *Asia Pacific Business Review*. 2010;16(4):493–504. DOI [10.1080/13602381003637609](https://doi.org/10.1080/13602381003637609).
19. Gorshkov M. K. (ed). "The arrow of time" in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future. Moscow: Ves' mir; 2024. 308 p. ISBN 978-5-7777-0947-9. (In Russ.).
20. Hoffman A. B. In search of lost identity: traditions, rationalism, and national identity. *Social theory issues=Voprosy sotsial'noj teorii*. 2010;(4):241–254. (In Russ.).
21. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(1):16–38. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.1.697](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.697).

Information about the Author

A. L. Temnitskiy

Doctor of Sociology, Associate Professor

Leading Researcher

ResearcherID: [I-4615-2018](https://orcid.org/0009-0001-4615-2018)

Scopus AuthorID: [56525280700](https://orcid.org/0009-0001-4615-2018)

The article was submitted 16.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 23.07.2025.